

Константин Узбек, Елена Щетинина

Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. Михаила Туган-Барановского, Украина

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЦИОНАЛИЗМА

Исследование истоков рационализма, его эволюционных путей трансформации и развития в переходах от эллино-византийской системы культуры к западноевропейской предполагает наличие вполне определенной мировоззренческой и теоретической позиции по данному вопросу. Для этого потребовалось провести системное сопоставление основных концепций, теоретических разработок и научных подходов по проблеме рационализма, существующих в современной (отечественной и зарубежной) научной литературе.

Общая цель такого сопоставления состоит в том, чтобы осуществить системное ретроспективное исследование основных этапов историко-философского процесса: от античности до фаз становления и развития западноевропейского рационализма периода «модернизма». При этом, разумеется, необходимо учесть и критику рационализма, развиваемую ныне с позиций постнеклассической науки и философских воззрений так называемого «постмодернизма».

Этим вопросам посвятили свои исследования многие отечественные и зарубежные авторы: А.К. Бычко [1], И.В. Бычко [2], П.П. Гайдено [3], П.В. Копнин [4], [5], В.А. Лекторский [6], С.Б. Крымский [7], М.В. Попович [8], [9], Б.И. Дружинин [10], А.И. Ракитов [11], Т.И. Ойзерман [12], К. Хюбнер [13], В.И. Шинкарук [14] и многие другие.

Особенностью исследований в этом направлении является то, что в многообразии современных рационалистических методов, подходов и установок в науке типологические научные концепции структурируются по различным гносеологическим, логическим и социокультурным основаниям.

Основной замысел авторов является гораздо более скромным, зато более конкретным и определенным. А именно: выявить истоки многообразия трактовок современного рационализма в античной математике и философии. Разумеется, в том случае, когда существуют реальные прообразы научных подходов и способов истолкования той или иной разновидности рационального в античной и современной науке.

Поэтому сопоставление множества научных подходов и концепций западноевропейского рационализма периода модерна и современных трактовок проблемы рационального вообще будет осуществляться нами в аспекте решения вопроса об адекватности, полноте аргументации и теоретического соответствия современных и античных концептов «рациональности».

Широкий спектр научных революций XIX – XX столетий актуализировал философские исследования по проблемам рационализма. Они предпринимались в контексте решения многих историко-философских проблем и исследований в сфере истории, логики и методологии науки. Во второй половине прошлого века пристальное внимание многих зарубежных и отечественных исследователей было посвящено изучению проблемы рационального с позиций общей теории научного познания. С этой точки зрения и для всего последующего исследования в данной статье особое значение придается анализу диалектики рационального в иррациональном и иррационального в рациональном. Следует подчеркнуть значимость данной проблематики для всей истории мировой философии. В том числе для общеизвестных программных разработок отечественных авторов по истории диалектики (различных периодов развития историко-философского процесса), истории и философии науки.

В этом отношении для нас являются весьма плодотворными соответствующие исследования П.В. Копнина [4], [5], Т.И. Ойзермана [12], В.И. Шинкарука [14]. Дело в том, что в широком комплексе теоретических идей и направлений исторического развития западноевропейского рационализма одно из первостепенных значений имеет трактовка гносеологической природы человеческих знаний.

В теоретико-познавательном отношении важно учитывать, что «иррационального знания нет, – пишет Копнин, – но иррациональное в знании присутствует... Движение знания не осуществимо без иррационального момента, который интуитивен» [5, с. 120-121].

Признавая истинность и когнитивную ценность данного положения, весьма затруднительно, тем не менее, решить вопрос о его всеобщности. Ведь на фазе возникновения проблемы иррациональности в системе античной математики, например, трактовка иррационального числа действительно имела по преимуществу интуитивное научное содержание с вкраплениями элементов парадоксального, таинственного и отчасти даже в какой-то мере – сверхъестественного, непостижимого, мистического. Однако с завершением построения теории действительного числа все эти моменты «смутного» и интуитивного устраняются. Иррациональные числа становятся столь же нормативными, как и рациональные. Более того, они с помощью точных математических операций взаимно отображаются друг на друга, один класс чисел является взаимно дополнительным со своей имманентной противоположностью (другим классом чисел). Каждое рациональное число имеет репрезентативные аналоги в поле иррациональных чисел, и наоборот. Поэтому естественно предположить, что указанный момент интуитивного возникает в иррациональном только на фазе его зарождения, становления, формирования. Когда же иррациональное знание (в данном случае – математическое) обретает завершённую теоретическую и логико-гносеологическую форму, то этот момент иррационального перестаёт быть интуитивным, мистическим и, наоборот, становится нормативным, качественно расширяя сферу наличного бытия рациональных знаний.

В известной мере указанный момент тождества и различия между иррациональным и интуитивным в научных знаниях подобен проблеме соотношения истины и веры, науки и религии. Известно, сколь принципиальное значение это имело для кантовского рационализма, который имеет огромное значение для многих современных исследований по истории философии и философии науки. Мы кратко коснёмся этой проблематики сквозь призму отдельных закономерностей общего хода развития историко-философского процесса, исследуемого отечественными мыслителями.

Для развития истории философии одной из общих закономерностей является своего рода «пульсация» («расширение» и «сужение» – в терминах В.И. Шинкарука [14]) предмета философии. Следовательно, и соотношение рационального и иррационального, равно как и доминирование множества научных подходов, методов анализа, способов постановки и решения непрерывно обновляемого спектра соответствующих проблем также изменчиво, подвижно. Выявить качественно тождественные и существенно различные моменты в истолковании даже одних и тех же проблем в исторической эволюции одного и того же направления (рационалистического либо иррационалистического) оказывается весьма непростым делом.

Раскрывая истоки кантовской философии в методологии рационализма и сенсуализма Нового времени, В.И. Шинкарук [14] обращает особое внимание на ряд общих закономерностей историко-философского процесса, часть из которых имеет первостепенное значение для решения поставленных в данной статье исследовательских задач.

Во-первых, неоднозначное теоретическое воздействие средневекового номинализма на методологию рационализма нового времени. Здесь элементы иррационального, интуитивно неопределённого знания проявлялись даже в отношении одной из главных теоретико-познавательных задач – познания сущности вещей, и именно в форме теоретической

всеобщности. В этом вопросе имел место даже агностицизм, как итог соединения ортодоксального номинализма и одностороннего эмпиризма. Это, в частности, обнаруживает локковская трактовка сущности. Дж. Локк утверждал, что «сущность» относится «не столько к бытию отдельных вещей, сколько к их общим наименованиям». А значит, и «всеобщность не принадлежит самим вещам, которые по своему бытию все единичны» [15, с. 408-409, 439]. И потому не только в идеалистических концепциях прошлых веков, но даже «у материалистов XVII – XVIII вв. можно встретить заявления, что сущность вещей непостижима, что опыт знакомит нас только с единичным, а всеобщее, субстанциальное находится по ту сторону знания» [14, с. 25].

Во-вторых, «Лейбниц предпринял одну из первых попыток решения проблемы единства мышления и бытия на основе объединения принципов рационализма с принципами эмпиризма» [14, с. 37]. До него, как известно, доминировал дуализм мышления и бытия на фоне иных теоретически односторонних концепций: эмпиризма, сенсуализма, рационализма: индуктивизма (Ф. Бэкона) и дедуктивизма (Р. Декарта).

В-третьих, теоретико-познавательный идеализм в философии Нового времени «находил своё выражение как в эмпиризме (Беркли, Юм), так и в его антиподе – рационализме (Декарт, Лейбниц и др.)» [14, с. 26].

В-четвертых, «гносеология и логическое учение Лейбница поставили ряд новых философских проблем. К ним относится, прежде всего, проблема единства логической всеобщности и необходимости, данной в истинах естествознания, за которыми признано опытное происхождение» [14, с. 36].

В-пятых, «Кант впервые в истории философии вплотную подходит к выводу о формальном характере логического знания (познания из логических оснований посредством самих законов логики) и противопоставляет ему «реальное познание» как сферу рождения содержательного научного знания» [14, с. 42].

Высшей формой организации научных знаний (содержательных и формальных), выражающих их системное единство и целостность в отношении всеобщности, необходимости и достоверности, есть, как известно, научная теория. «В любой научной теории, если это действительно научная теория, а не хаотическое и чисто эмпирическое нагромождение различных фактов, положений, имеется *мысль, соединяющая входящие в теорию суждения, понятия* в целостную систему, то есть всякая научная теория имеет центральное положение, *синтезирующее* все входящие в нее понятия и суждения. *Эта мысль есть идея*» [4, с. 391].

Со времен создания платоновской «теории эйдосов» и до реализации в качестве центрального положения теории содержательных знаний – гегелевской «абсолютной идеи» – прошло более 23 столетий. За это время произошло множество научных, духовно-культурных и религиозных революций. Получило огромное теоретическое развитие само понятие о разуме, мысли, идее. Современная дискуссия о природе, сущности и способах определения рационального в его теоретической всеобщности стремится соединить и воспроизвести («в себе») тот историко-философский генеалогический эволюционный путь, который выражает развитие идей чистого разума: от метафизики до теоретической диалектики. Возникают утверждения, что для современного западноевропейского рационализма более прогрессивной и удовлетворяющей духовные запросы нынешнего состояния общества есть герменевтика, а не метафизика. Осуществляются попытки систематизировать исторически преходящие типы рациональности. Ввести критерии измерения культурно-исторического прогресса на основе установления закономерных фаз смены основных исторических типов рациональности, вплоть до теоретических оснований рационалистической диалектики. Это побуждает исследователей западноевропейского рационализма вновь и вновь обращаться к истокам ренессансного гуманизма. Известно, что связь его с идеалами античного рационализма носила ярко выраженный персонифицированный и массовый характер.

Научный обзор существующих концепций и дискуссий в современной философии и науке по проблемам модернизации смысла, значения и сущности рационального приводит к неожиданному выводу. Обнаруживается весьма существенный разрыв в теоретическом истолковании понятия «рационального» и «иррационального» с позиций теоретической всеобщности в философии и математике. Так, например, в отношении специфики философского способа освоения действительности и теоретико-философского познания вполне адекватным (объективному состоянию) представляется уподобление «иррационального» – видимости, в противоположность тому, что все рациональное, напротив, полагается неразрывно связанным с «действительностью». Однако такие уподобления не могут считаться вполне корректными в отношении математического знания. Ведь нельзя же, не поступившись строгостью рассуждения и истиной, всерьез считать иррациональные математические числа – видимостью. Столь же неверным было бы и наоборот – искусственно наделять атрибутом «действительности» одни только рациональные числа. Иное дело, когда видимость есть негативное отношение к рациональному в действительности. И в этом смысле бесспорно прав Т.И. Ойзерман, отстаивающий немаловажный тезис следующего теоретического содержания. «Видимость, – утверждает он, – только тогда иррациональна, когда она обретает форму негативного отношения к законам и истине. Только там, – пишет он, – где видимость выступает “как тотальное отрицание сущности, закона”, она носит иррациональный характер» [12, с. 90].

Менее очевидно, но столь же спорно встречающееся в литературе противопоставление рационализма и гуманизма. Это может быть в теоретическом отношении оправданным лишь в том частном случае, когда либо сама теоретическая версия той либо иной разновидности «гуманизма» является утопией, видимостью, мифологизированной формой социальной иллюзии; либо рациональная доктрина или некая программа действий целенаправлена на антигуманную цель, является сугубо деструктивной, и деструктивность действий обращена не на благо, но осуществляется именно во зло (всему разумному и действительному, как сущему, так и должному).

Существует проблемное поле в поиске адекватных оснований и установление соответствия в истолковании рационального не только в качественно противоположных видах знания и методах познания, таких как философия и математика. Не менее сложный комплекс проблем возникает в соотношении между основаниями современной логики и многообразием трактовок научной рациональности в философии и особенно в философии науки.

Для осмысления истоков, сущности, многообразия теоретического содержания, тенденций развития и интерпретаций современного европейского рационализма первостепенное значение имеет смысл основных понятий и традиция их различного употребления в языке и категориальном строе мышления разных народов. «Термин “рациональность”, – отмечает М.В. Попович, – отсутствует в англо-саксонских философских словарях. В континентальной традиции он выделяется как пароним термина “разум”. Почему?» [8, с. 8].

Помимо многих вопросов, связанных с эволюцией терминов, понятий, категорий, при переходе от философских систем и учений античности к истокам и развитию западноевропейского рационализма на собственном теоретическом основании возникают и некоторые иные, многие столетия не поднимавшиеся ранее. В частности, в силу многих причин возникает вопрос: можно ли связывать термины «рациональность», «рационализм» в современном понимании с греческим термином *λογος*?

Проблема всестороннего исследования истоков становления и теоретических форм развития западноевропейского рационализма содержит в себе задачу исследования также и элементов интерэпистемологических когнитивных отношений. То есть эволюционирующих (в истории философии, науки, культуры) отношений между качественно различными «родами» и теоретическими системами знаний. В частности, математико-логическое и ло-

гико-математическое отношение. Современными авторами исследуется задача типологизации и классификации множества видов и разновидностей логики в историческом развитии этой науки.

Не касаясь этого специального вопроса, авторы останавливают свое внимание на противоположности между содержательной (философской) и формалистской «ветвях» развития логики.

Первая ветвь развития, применительно к решению современной проблемы рациональности, трактуется по преимуществу традиционно. По крайней мере, в отношении систем классической немецкой философии, в которой это теоретическое развитие осуществлялось наиболее интенсивным, продуктивным и каноническим образом. Но не только. Репрезентантами этой ветви развития науки логики выступают, например, философская система И. Канта, диалектическая логика Гегеля, теософская логика Баядера, социальная логика Тарда и т.д.

Вторая ветвь развития, или «второй вид логики» (в терминах авторов цитируемого источника), буквально «взрывает» многовековую традицию. Она изменяет теоретическое представление о самом предмете, цели и задачах логики. Этот вид логики имеет свои генетические основания и собственную традицию в средневековой, ренессансной и западноевропейской науке. Это уже отличный от содержательной (философской) науки и новый вид логики, возобновляющийся в работах Гербарта и Айслера, которые классифицируют ее как формалистическую логику. Сюда, к примеру, относится Гамильтон, рассматривавший логику как науку о законах мысли, поскольку та является мыслью. Несколько позже Я. Лукасевич уточнит это определение, он замечает, что логика Аристотеля является теорией специальных отношений, наподобие математической теории.

Эта положительная критика логики традиционной (аристотелевской, силлогистической) является, как известно, отнюдь не первой теоретической формой ее модернизации. Данный процесс характерен для ассимиляции теоретических идей античной науки во весь последующий исторический период, включая становление и развитие методологии рационализма Нового времени, математического анализа, математической логики. Известно и то, сколь радикальным было преобразование традиционной (аристотелевской) логики с философских и конкретно научных позиций математического интуиционизма и конструктивизма.

При столь радикальном переосмыслении исторических, логических, теоретических оснований, смысла, значения и сущности рационального возникают и другие задачи упорядочивающей самокритической рефлексии философского знания. В решении проблем о смысле рациональности и ее типах возникает задача исследования категориального строя исторических и современных концепций рациональности.

Здесь естественным образом встает вопрос о соотношении основополагающих (в данном исследуемом аспекте) категорий «рациональность» и «рационализм».

Авторы статьи разделяют обоснованную теоретическую позицию по данному вопросу, которая состоит в следующем. «Рационализм произведен от рациональности, ибо выступает как ее приложение к сфере гносеологии. Иначе говоря, рационализм конституируется в сфере теории познания, будучи органично связанным с решением вопроса, откуда проистекает знание – из мышления или опыта. Рациональность же, характеризуясь идеей всеобщности мерок разума, претендует на приложимость за пределами гносеологии: во всех сферах культуры и деятельности, где возможны упорядочение, гармонизация, активизация, обоснование и мероопределение бытия по аналогии с той логичностью, разумностью, рефлексивностью и нормативностью, которые приобретают идеальные объекты в области познания» [7, с. 90].

Разрешение многих проблем в сфере чистой теории есть часть работы разума по рациональному освоению действительности, либо обнаружению неразрешимых парадоксов, антиномий, порой пробелов в строгости и обоснованности суждений, заключений и выво-

дов. Однако истинным может быть только целое, в данном случае имманентное единство теоретико-практического отношения к действительности. Вот почему рациональный метод познания мира предполагает и моделирование рациональности практических действий субъекта. С усложнением практики происходит отказ от утилитарно однозначных и чаще всего упрощенных рациональных схем освоения человечеством естественной и искусственной среды своего обитания. Современная практика, основанная на хорошей теории, «предполагает введение множества альтернатив и отношения предпочтения на нем. Соответственно выбор предпочтительного элемента осуществляется между компонентами альтернатив или между самими альтернативами. Этот выбор регулируется условиями совершенности (когда все альтернативы попарно сравнимы) и непротиворечивости» [7, с. 102].

В данном случае неформализованным остается отношение «предпочтительности». Имплицитно предполагается, что оно проистекает из контекста ситуации и возникшей в ней познавательной задачи и не пребывает заданной в ее формулировке, в ее когнитивном содержании. В предельном случае конкретно исторический тип культуры, традиций, просвещения, науки, образования, религии, сложившейся практики всей системы общественных человеческих отношений и ценностей выступают эвристическим фоном для решения проблемы выбора приоритетов. «Каждая культура предлагает свой набор классификаций предметов реальности в зависимости от сложившихся традиций членения реальности и характера преобладающих форм деятельности. Культурные формы в виде языка, мифа, символов, систем мировоззрения и т.д. дают своеобразные стереотипы для упорядочения и классификации реальности, которые воспроизводятся или изменяются в соответствии с общим ходом развития культуры. Вместе с тем такие формы есть нечто большее, чем классификация, поскольку они побуждают людей к действию так же, как и к размышлению. Каждая из них многозначна и каждая способна “привести людей на множество психофизиологических уровней одновременно”» [7, с. 20].

Деятельный культурологический, мировоззренческий и общенаучный подход в аспекте историко-философских проблем западноевропейского рационализма имеет множество версий теоретической интерпретации, программной целевой разработки соответствующего класса проблем. Свобода выбора теоретического субъекта, тем более в условиях демократического способа организации жизни общества и приоритетности установок мировоззренческого плюрализма, позволяет конкретному исследователю занять ту либо иную, скажем, противоположную классическим канонам рационализма, научную позицию. Поэтому встает, хотя и неявным образом, проблема учета этого многообразия возможных позиций, основанием которому служит сложность и многоаспектность всей системы общественных человеческих отношений. Культура может, в принципе, «раскрывать весь спектр» человеческого отношения к миру и самому себе, «все вариации» рационального или нерационального.

Нет оснований надеяться на успешную деятельность в сфере теории или в сфере практического освоения действительности, если неадекватным будет синтез научных знаний, необходимых для решения той либо иной поставленной цели. В особенности, если содержательная часть знаний будет противоречить формальной, логика содержательных действий будет оставаться случайной, бесформенной (хаотичной), неупорядоченной. Вот почему столь актуален ныне категориальный синтез знаний качественно разнородных наук. Истоки иррационального в человеческом разуме следует искать не в видимости или объективной реальности и не в самом разуме или временных заблуждениях, но именно в отношении к действительности и к самому разуму. Это отношение может быть как рациональным, так в равной мере и иррациональным. Сегодня процветает иррациональное отношение к науке. Истоки технократического фетишизма стремятся отыскать только в лоне метафизического или же механистического мировоззрения, создавших предпосылки классической науки и явившихся во многом обобщением успехов этих наук в сфере мировоззрения, методологии, гносеологии и аксиологии. Основания абсолютизированным

формам научного рационализма нередко ищут в сфере точных наук, особенно – математических, технических, технологических. Основания всякого рода ложным утопиям, идеологиям и догматическим доктринам, напротив, в сфере гуманитарных наук, особенно – в философских. Но история науки убедительно свидетельствует о том, что античный рационализм не знает такого мистического противопоставления. Теоретический союз античной философии, математики, зарождающегося теоретического естествознания дал системе культуры блестящие образцы научной теории и рационально-художественного освоения действительности просвещенным человеком. Это и побуждает нас обратиться к исследованию детерминантных оснований античного рационализма, чтобы преодолеть ложный иррационализм массового сознания современного общества на этапе его революционного обновления, модернизации и глобализации.

Вот почему столь же необходимо вполне определенное обозначение смысла иррационального. «Иррациональное в своем крайнем мировоззренческом выражении обесценивает важнейшие позиции человеческой экзистенции, апеллирует к стихийному, инстинктивному, бессознательному, мистическому и безысходному, проповедует бессмысленность бытия, “заброшенность” человека, тщетность и безнадежность его усилий, пустоту будущего, неуслышанность человеческого голоса в хаосе мира, бесцельность надежд на понимание» [7, с. 92].

Применительно к современному состоянию общества задача восстановления базисного этноса науки есть не меньшая ценность, чем и сам научно-технический прогресс. Великая цель «восстановления наук и ремесел», осознанного понимания того, что «знание – сила», предполагает дополнение в вопросе единства содержания и формы, аутентичной связи противоположных эпистемологических и теоретических систем: знания философского и знания математического.

Это концептуальное единство достижения теоретической всеобщности на качественном и количественном уровнях научной абстракции и есть та «мысль», которая должна стать центральным положением нового категориального состава и рационального строя мышления постнеклассической науки. Последняя может успешно развиваться лишь на основе постоянного рекурсивного теоретико-рефлексивного возврата к рационализму классической науки и целостной системе античного научного рационализма. Без истории – нет прогресса, без прогресса – нет истории.

Методологический подход категориального синтеза знаний из качественно разнородных наук (гуманитарных, естественно-научно-технических, математических) предполагает выработку рациональных научно обоснованных стратегий, программных целей развития, продуктивных концепций общественного прогресса.

В связи с этим в системном поле проблематики современных историко-философских исследований, разработок в области логики, методологии и философии науки как таковой особое место занимает исследование сущности, способов построения научных концепций. В аспекте развития философии науки эта область исследований примыкает к тематическому анализу науки (Холтона) и особенно к методологическому анализу научно-исследовательских программ в смысле К. Поппера и И. Лакатоса. Рационализм «открытого» демократического общества, как и система мировоззренческих, методологических, теоретических установок, так и система ценностей западной цивилизации являются, «по своему существу», плюралистическими [9, с. 412].

В этом ключе эпистемологические концепции верификационистов и фальсификационистов К. Поппер расценивает как гносеологически равновозможные. Однако, сравнивая эти концепции по силе аргументации и критериям научной рациональности, он приходит к следующему обобщающему выводу. «В то время как верификационисты или индуктивисты тщетно пытаются показать, что научные убеждения можно оправдать или, по крайней мере,

обосновать в качестве вероятных (и своими неудачами поощряли отступление к иррационализму), наша группа обнаружила, что мы даже и не стремимся к высоковероятным теориям. Приравнивая рациональность к критической позиции, мы ищем теории, которые, хотя и терпят крушение, все-таки идут дальше своих предшественниц, а это означает, что они могут быть более строго проверены и противостоять некоторым новым проверкам... и потому... возможно, ближе к истине» [9, с. 376].

Напротив, любая разновидность неприятия разнообразия в науке монизма, содействующего монолитному социальному состоянию, означала бы, согласно Попперу, «гибель свободы – свободы мысли, свободы поиска истины, а вместе с ними рациональности и достоинства человека» [9].

Развитие истории философии, как и развитие истории науки, характеризуется закономерной сменой не только теорий, но и доминирующих в этой области научных концепций. Усиление теоретической оппозиции между рационализмом и иррационализмом (в современном переходе части исследователей на позиции «постмодернизма») нередко ведет к возрождению элементов скептицизма, а порой и агностицизма, антинаучного мистицизма. Поэтому столь актуальной становится вторая сторона так называемого (в известной мировоззренческой традиции) «основного вопроса» философии. То есть всестороннему анализу с позиций современной философии и достижений конкретных наук подлежит и сам принцип познаваемости, или же в другой формулировке – вопрос о тождестве бытия и мышления.

Философскому анализу целостного теоретического содержания и «смыслового поля» принципа познаваемости мира посвящены обстоятельные работы и других отечественных исследователей. В частности, в работе В.М. Свириденко [16] проводится довольно обстоятельное теоретическое разграничение гносеологического и методологического уровней в семантическом содержании общефилософского принципа познаваемости, анализируются, в том числе, научно-исследовательские программы и концепции «антифинитизма», «антирелятивизма», формулируется и обосновывается «принцип разрешимости научных проблем» [16, с. 59-83]. Специальным образом анализируется рационалистическое и иррациональное теоретическое содержание гносеологического скептицизма в античной философии [16, с. 97-118]. Сопоставляются «сильные» и «слабые» стороны принципа эмпиричности, рассматриваются проблемы научного факта, установки инструментализма и антиинструментализма, тезис А. Эйнштейна о познаваемости мира в контексте принципа теоретизации, проводится системный сравнительный философский анализ научно-исследовательских программ В.И. Вернадского и К. Поппера [16, с. 180-250].

В аспекте современных разработок по проблематике истоков, сущности, тенденций историко-философского развития западноевропейского рационализма и новейших направлений его теоретического развития – имеет принцип познаваемости как основоположение рационалистического мировоззрения вообще. Многие отечественные мыслители так или иначе занимаются историко-философской, гносеологической и историко-научной разработкой этой проблемы под углом зрения специальных исследовательских задач. Одной из центральных, пожалуй, для всего мирового историко-философского процесса, является, как известно, теоретическое содержание категории «свободы». Однако в условиях революционно-демократического обновления общества особую сложность и актуальность обретают историко-философские исследования по весьма обширному спектру проблем, которые «обращаются вокруг» указанной категории, как вокруг своего «центра теоретического притяжения» [1], [2].

Проблемы философского иррационализма приобретают особую теоретическую остроту и приоритетность, начиная со второй половины XIX столетия. Это период зарождения марксизма (с 1844 года), развивавшегося в острейшем идеологическом, политическом, теоретико-философском противоборстве с антимарксизмом. Усилению приоритетности

проблематики философских исследований свободы и необходимости способствовало становление и развитие множества антисциентистских, антипозитивистских, иррационалистических философских школ и направлений: неокантианства, философии жизни, неогегельянства, прагматизма, интуитивизма, неореализма и т.д. Но особая значимость в данном отношении, как известно, принадлежит идейному содержанию и категориальному составу мышления современного экзистенциализма. Провозглашаемая доктрина отказа от рационализма и нормативных средств исследования классической науки, столь характерная для экзистенциализма и многих иных течений иррационализма в современной философии, тем не менее, имеет и позитивное значение, мобилизуя новые литературно-художественные методы в философском осмыслении онтологии человеческой культуры как таковой и границ рациональности коллективного и индивидуального бытия.

В современных исследованиях по этике и метафизике также отмечается актуальность обращения к первичным теоретическим образцам античной рациональности, к научным традициям платонизма, западного аристотелизма, неоплатонизма.

Несомненные теоретические достижения и успехи в разработке историко-философских, историко-научных, гносеологических, логических, социокультурных оснований проблемы рационального и иррационального в системе культуры все же не дают повода считать эту проблематику «исчерпанной», даже в основном ее идейно-теоретическом содержании.

В этом смысле довольно символично название фундаментального коллективного труда российских ученых «Рациональность на перепутье» [6], где анализируется становление рациональности в конкретных науках: от античности до научной революции XVII века и сопоставляются античный и новоевропейский типы рациональности. Обосновывается, что «единство когнитивных и социальных критериев рациональности может быть рассмотрено как методологическое правило исследования рациональности.

Между тем, как известно, и когнитивные, и социальные критерии рациональности (и иррациональности) весьма изменчивы, многообразны, порой сами не менее проблематичны, чем общетеоретическое, общенаучное и общекультурное содержание рационального в единстве с потребностями их обновления и самоотрицания в каждом новом типе культуры. Поэтому возникает теоретическая проблема структурирования целостного (системного) содержания исторических типов рациональности на устойчивые, в некоторых отношениях инвариантные, концептуальные многообразия.

Среди зарубежных исследований последних десятилетий особым образом выделяется такое направление, как «плюралистическая философия науки». В нем осуществляются попытки интегрировать идеи критического рационализма, феноменологии, герменевтики, экзистенциализма. Одной из доминирующих целевых установок в этом направлении исследований является стремление дать ретроспективный историко-философский и историко-научный «экскурс в теорию рациональных решений» [13, с. 294-299]. Этому предшествует создание пробной версии «теории естественных наук» (часть первая), «теории истории науки и исторических наук» (часть вторая) [13, с. 30-156, с. 156-276].

Однако в плане исследуемой проблемы наибольшую ценность имеет общеметодологический историко-философский подход автора к пониманию сущности исторического прогресса науки. Его смысл можно передать следующей общетеоретической установкой авторов: «Движение науки есть самодвижение системных ансамблей» [13, с. 166].

Дело в том, что цитируемый автор каждый период развития науки (естествознания) рассматривает как некоторую, теоретически конкретную, «историческую систему» знаний. Второй, столь же фундаментальной категорией, автор цитируемого источника считает «исторически системный ансамбль», под которым понимается «структурированное множество систем, частью наличествующих в данный момент времени, частью наследуемых от прошлого, образующих определенную иерархию... в соответствии с многообразными отношениями общество живет и развивается в каждый данный исторический момент.

Системы науки, т.е. теории и системы теорий, а также правила научной работы – все это входит в системный ансамбль – мир правил, по которым мы живем и действуем в каждый момент времени» [13, с. 166].

Эволюционный путь идей, теорий, концепций подчинен определенным законам. К. Хьюбнер именуется их законами истории (развития знаний). В применении к переходу от древнейших систем к западноевропейскому рационализму, в частности, в отношении наиболее проанализированных «эпизодов» эпохи Возрождения, он указывает на следующие такого рода закономерности:

«1. Каждый исторический период определяется наличествующим в нем системным ансамблем.

2. Всякий системный ансамбль несет в себе внутренние противоречия и нестабильность.

3. Изменения системных ансамблей связаны с попытками устранить такие противоречия.

4. Противоречия разрешаются путем согласования одних частей ансамбля с другими.

5. Этот процесс не является строго детерминированным.

6. Детерминация процесса ограничена степенями свободы, вытекающими из неоднозначности систем.

7. Любое историческое событие происходит в рамках системного ансамбля, хотя в то же время оно определяется и естественными факторами; невозможно появление в системном ансамбле совершенно чуждого ему элемента и никакой элемент не может полностью исчезнуть из него. (Здесь необходимо добавить, что это идеализация, позволяющая отвлечься от обмена с другими историческими системами и культурами)» [13, с. 168-169].

Для понимания общей цели и логики всего дальнейшего исследования весьма существенно указать на ряд теоретических обстоятельств следующего историко-философского содержания. Вплоть до 90-х годов прошлого века доминировало не вполне адекватное представление и о системе античного рационализма:

– во-первых, в отношении «предмета философии» кроме одной из фундаментальных противоположностей мировоззренческого порядка (хрестоматийно известная «борьба» идеализма и материализма, так называемых «линий» Платона и Демокрита) в системе античного рационализма – все иные считались второстепенными, малозначительными для последующего исторического развития;

– во-вторых, в отношении метода – столь же фундаментальным, и по справедливости, считалось противоборство диалектических и метафизических способов достижения истины; однако многие другие противоречия в общей и конкретно научной методологии античной науки, которые способствовали росту и инновации эмпирических и теоретических систем знаний, остались мало исследованными или же не принимались во внимание вообще, в силу тех либо иных ограничений в абстрагировании и идеализации исследуемых предметов историко-философского содержания;

– в-третьих, подобные дихотомические деления не всегда отображали должным образом дискретную семантическую структуру трактовки рационализма в античной философии и античной математике в их относительно независимом теоретическом возникновении и развитии, и особенно в полифункциональном интертеоретическом взаимодействии в различных «исторических ансамблях» уникальных систем античного знания различных периодов его развития;

– в-четвертых, нередко упускалось из виду концептуальное многообразие и системное единство языкового ансамбля понятий, входящих в семантическую структуру эмпирической и теоретической античной рациональности;

– в-пятых, проблема единого и многого ставилась и исследовалась в историко-философском и историко-научном аспектах – по преимуществу применительно к отдельным проблемам и исследовательским задачам, но не в применении к эволюции и теоретическому развитию системно целостного содержания античного рационализма.

Сегодня многие из этих несовершенств с различной мерой интенсивности преодолеваются, о чем свидетельствуют указанные выше цитировавшиеся источники отечественных и зарубежных авторов. Однако вплоть до настоящего времени отсутствуют специальные монографические и диссертационные работы, в которых историко-философский процесс, посвященный становлению античного рационализма, исследовался бы не только с позиций «чистой» теоретико-философской проблематики, но проверяя и сопоставляя логику рационализации античной культуры в ее эпистемологических исторических системах конкретно-научного знания, с позиций исторической эволюции античной математики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бычко А.К. Проблема иррационального и философский иррационализм / А.К. Бычко // Проблемы философии. – 1968. – Вып. 7. – С. 123-128.
2. Бычко И.В. В лабиринтах свободы / Бычко И.В. – М., 1976. – 158 с.
3. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII вв.). Формирование научных программ Нового времени / Гайденок П.П. – М. : Наука, 1987. – 268 с.
4. Копнин П.В. О рациональном и иррациональном / П.В. Копнин // Вопросы философии. – 1968. – № 5. – С. 120-121.
5. Копнин П.В. Диалектика как логика / Копнин П.В. – К. : Наукова думка, 1961. – 448 с.
6. Рациональность на перепутье : в 2 кн. / [отв. ред. член-корр. РАН В.А. Лекторский]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 274 с.
7. Йолон П.Ф. Рациональность в науке и культуре / Йолон П.Ф., Крымский СБ., Парахонский Б.А. – К. : Наукова думка, 1989. – 446 с.
8. Попович М.В. Философские вопросы семантики / Попович М.В. – К. : Наукова думка, 1975. – 299 с.
9. Логика и проблемы рациональности / [Попович М.В., Омельянич В.И., Ишмуратов А.Т. и др.]. – К. : Наукова думка, 1995. – 282 с.
10. Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания / Пружинин Б.И. – М. : Наука, 1986. – 236 с.
11. Ракитов А.И. Рациональность и теоретическое познание / А.И. Ракитов // Вопросы философии. – № 11. – 1982. – С. 65-75.
12. Ойзерман Т.И. Рациональное и иррациональное / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 1977. – № 2.
13. Хьюбнер А. Критика научного разума / Хьюбнер А. ; пер. с нем. – М. : ИФРАН, 1994. – 322 с.
14. Шинкарук В.И. Теория познания, логика и диалектика (И. Кант как родоначальник немецкой классической философии) / Шинкарук В.И. – К. : Наукова думка, 1974. – 370 с.
15. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме / Локк Дж. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 734 с.
16. Свириденко В.М. Принципы познавательности мира в научном мышлении / Свириденко В.М. – К. : Наукова думка, 1988. – 272 с.

Константин Узбек, Елена Щетинина

Проблеми сучасного раціоналізму

Дослідження витоків раціоналізму, його еволюційних шляхів трансформації та розвитку в переходах від елліно-візантійської системи культури до західноєвропейської передбачає наявність певної світоглядної й теоретичної позиції з даного питання. Для цього вимагалось проведення системного зіставлення основних концепцій, теоретичних розробок та наукових підходів до проблеми раціоналізму, що існують у сучасній (вітчизняній та зарубіжній) науковій літературі.

K. Uzbek, Ye. Shchetinina

Contemporary Rationalism Problem

The research of rationalism origin, its evolution ways of transformation and development in transition from Hellene-Byzantine culture system to Western European one presuppose, the existence of rather determined both wired outlook and theoretical positions on this issue. To this purpose the authors need to make system comparison of main concepts, theoretical works and scientific approaches to rationalism problem existing in contemporary (national and foreign) scientific literature.

Статья поступила в редакцию 01.09.2010.